

Моск. новости - 1996 - 12-19 мая - С. 27

М.М. Жванецкий

о текущем моменте

(6 мая 1996 года)

ВСТРЕЧА

Радиостанция «Эхо Москвы» организовала пресс-конференцию, посвященную выходу первой легальной аудиокассеты Михаила Жванецкого под названием «Привет, электорат!»

– Как вы будете голосовать 16 июня и почему?

– Я как-то сказал, что если победят коммунисты, я уеду, что равносильно моей смерти. На мои слова все плюнули, и они победили. Теперь все корреспонденты говорят «Ну?!» Они победили, а я здесь. Получается, я не сдержал слово.

Видимо, надо уважать чудовищный выбор своего народа и присутствовать при этом.

– Вы могли бы представить в деталях страну победившего Зюганова?

– А чего ее представлять? Когда мне сейчас говорят, очень часто, даже в бане: они теперь другие, – я спрашиваю: а зачем они хотят взять власть? Чтобы показать, что они другие? Пускай они это покажут среди нас! Нет, говорят, надо дать им власть, чтобы мы могли убедиться, что они другие. А если не убедимся? Допустим, победил Зюганов – тихий, скромный, бесцветный человек – то, что нам надо. Но рядом тут же – горком, обком. Эти ребята – как жильцы в коммуналке: сначала они тихо проходят к себе в комнату, потом все громче и громче. И вот: Михаил Михайлович, а что это вы читали вчера такое? Телега на вас пришла. Не хотите показать, что завтра будете читать?

– Может быть, каждый накат должен чередоваться откатом?

– Накат, откат – это то, что каждый из нас испытывал, сидя лицом к унитазу после хорошей выпивки.

Я единственный раз был в Думе. Встретил там Николая Ивановича Рыжкова. Он посмотрел, узнал и отвернулся. И так все в Думе – узнавали и отворачивались. А я уже избалован, я привык, что люди улыбаются, глядя на меня. Одинокие женщины не боятся со мной ездить в лифте и не отворачиваются.

– Публика изменилась за последнее время?

– Буквально за полгода, после победы коммунистов на выборах. Выступления стали похожи на те, что раньше. Публика воспринимает сказанное как откровение, она смеется тем старым смехом, в котором есть и злорадство, и открытие, и забвение чего-то. Мне, конечно, было бы выгодно пожить в таком напрядении еще года два, но ради вас...

– Вам слава далась талантом или трудом?

– В этом мало труда. На то, чтобы переписать, у меня уходит больше времени, чем на то, чтобы написать. Поскольку я человек нервный, то пишу очень быстро. И еще очень боюсь неудач, поэтому текст должен быть коротким. Провалился – и бежишь дальше.

– Если бы вы участвовали в выборной кампании Ельцина, то с чего бы начали свое выступление на телевидении?

– Борис Николаевич, когда был в хорошей форме, он мне нравился. Я вообще знаю трех представителей хорошей породы. Это Олег Николаевич Ефремов, Борис Николаевич Ельцин и Виктор Леонидович Ильченко. С одним из них я дружил. С Ильченко. Это люди, которые могут выпить, сохраняя какую-то внутреннюю честность. Возле них хо-

чется находиться. Когда Борис Николаевич начинал, возле него хотелось находиться.

Что касается окружения, о котором столько говорят, так ведь окружение – это мы. Кто же станет окружать себя профессорами? Предположим, Явлинский победил, и что? Возле него один человек из бани, один из охраны, один, с которым приятно выпить. И он будет играть в теннис в этом окру-

жении. Никакого другого окружения, кроме нас, президенту в этой стране не суждено.

Да, забыл – будет еще один сатирик, который тоже будет париться с президентом, потеть будет прямо тут же. Хотя президент не подозревает, что в потной атмосфере шутки такие же рождаются, потные. Если хочешь насладиться юмором, приглашай редко. Не живи с ним вместе. Пригласи один раз, тебе пошутят – дай отдохнуть.

И все-таки что такое Борис Николаевич? Это раз в четыре года мы берем управление страной в свои руки. Мы им руководим. Бедные будут богаче, говорит он, этим повысим пенсии... А этим? – говорим мы. И этим. А этим дать? И этим. А старушкам? Обязательно. Управляемый человек.

– У вас нет ощущения, что президент вас приручил?

– Самая главная прирученность, ущербность сатириков – в боязни потерять нынешнюю жизнь. Ты должен высмеивать, у тебя жанр такой, а ты боишься добавить еще бензина в этот костер.

– Кто из политиков предлагал вам поддержать его?

– Почти все, даже Владимир Вольфович. С Зюгановым у нас вышел заочный разговор на Самарском телевидении. На вопрос, как я к нему отношусь, я ответил, что когда победит Зюганов, исчезнут продукты и появится балет. Он на вопрос по поводу меня сказал, что раньше я ему нравился, а теперь это – злопытательство.

– Собственно, Михаил Михайлович, что вы имеете против коммунистов?

– Собственно, все, что я имею, я имею против них.

– Вы не пытались оценить шутки Ельцина с профессиональной точки зрения?

– Лучшая его шутка, на мой взгляд: «Михаил Сергеевич, для разрядки подпишем указ о запрещении компартии!» Но и у Михаила Сергеевича бывало не хуже, и у Виктора Степановича.

– Кто из вашего цеха сохранится, если события в стране сложатся неудачно?

– Вы имеете в виду, когда задавят? Поговорим в задавленном состоянии. Вы ко мне подползете, и я вам с ужасом отвечу: как мы были правы, особенно вы.

– Каким был бы ваш первый указ, если бы вы стали президентом?

– Не хочу я быть президентом, не хочу писать указы, не хочу советоваться с начальником своей охраны, не хочу париться с писателем-сатириком и играть с ним в теннис.